

Письма З. Н. Гиппиус З. А. Венгеровой и Н. М. Минскому. Проблема датировки

Письма З. Н. Гиппиус, близкие жанру дневника, являются важным источником для изучения личности поэта и исследования культурного фона эпохи. Эпистолярное наследие Гиппиус опубликовано лишь частично, данный пробел призван восполнить готовящийся к печати том ее переписки серии «Литературное наследство». В том войдут, помимо прочих, письма к З. А. Венгеровой и Н. М. Минскому, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Хронологический принцип расположения писем, используемый в их делении на единицы хранения, далеко не всегда оказывается последовательно примененным. Перед исследователем, вслед за атрибуцией (которая уже была проведена при архивном комплектовании), встает задача датировки текстов. Цель статьи заключается не в выработке новых методологических установок работы текстолога, а в представлении любопытного в историко-литературном, в первую очередь, биографическом отношении материала писем известной поэтессы через призму их датировок.

Существует несколько основных типов писем с точки зрения сложности датировки. В наиболее простом случае дата указана в самом письме. Причем дата может сопровождаться обозначением дня недели и места написания. Частным случаем является наличие в письме только числа и дня недели, тогда год можно восстановить по календарю, учитывая период переписки. Датированные письма Гиппиус к Минскому относятся к периоду 1891–1912 гг., большая их часть принадлежит 1892–1894 гг. Письма к Венгеровой были созданы в период между 1894 и 1913 гг., наиболее активно переписка велась в 1894–1902 гг. Подобная преемственность дат связана с биографическими причинами: после разрыва с Минским, который произошел в 1893–1894 гг., Гиппиус переключила свое внимание на Венгерову, сблизившуюся с Минским.

Стоит отметить, что дата может входить в смысловую составляющую письма. Так, при первом приглашении Венгеровой в Рим Гиппиус сначала ставит дату по юлианскому календарю, затем — по григорианскому:

1/13 Дек<абр> 99.

Signora,

пожалуйста. Рим к вашим услугам. <...>

Очень советую выехать *раньше* 15 Декабря, потому что мы, может быть, уедем в Сицилию. <...>

Итак — я вас жду к нашему 15-му декабря. Помните, что это единственное удобное время» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 122–124].

В следующем же письме Гиппиус торопит Венгерову и, несмотря на то, что обговоренный срок приезда последней (15 декабря по юлианскому календарю) еще не настал, видимо, с целью подчеркнуть скоротечность времени и необходимость поторопиться, выводит на первый план дату григорианского календаря:

Рим.

19/7 Дек<абр> 99.

Что же ваш отъезд? Ждем вас *до* святого года. <...> Не пишу больше, ибо *надеюсь*, что письмо вас уже не застанет» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 125–126].

Подобными легко датируемыми текстами круг писем не ограничивается, часто Гиппиус оставляла свои эпистолярные без указания времени их написания.

Поэтесса с особым вниманием относилась к внешнему виду писем, тщательно подбирала конверты и бумагу. Бережное отношение к переписке отразилось, в частности, в извинениях за низкое качество бумаги («Пошла в свой магазин, чтобы купить запас «RoyalRed» в деревню, для вас — конечно. Вот эта дрянь есть, а милой, плотной, кровяной бумаги нет» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542а: 66–68]), за

пятна или кляксы, бывшие редким исключением при столь внимательном и аккуратном отношении к переписке.

Причем внешний вид письма мог обладать особым символическим значением, ярким примером чему являются «красные» письма (написанные на красной бумаге и вложенные в красные конверты). В нескольких письмах Гиппиус, обыгрывая цвет своих писем к Венгеровой (красные) и писем, полученных от нее (серые), укоряет последнюю в незаинтересованности их диалогом: «Ваше письмо лежит на моем. Серый цвет так красиво соединяется с красным, хотя немного резко. Я сделаю себе такое двойное символическое платье. Только надо, чтобы серого было столько же, сколько красного — а серого до сих пор гораздо меньше!» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542а: 40–42], «Нет, придется мне сделать красное платье с узкой серой полосой внизу. Всего имею от вас 4 письма. Из 25 красных конвертов у меня осталось 12 — нарочно сосчитала. Значит, пишу вам тринадцатое письмо — это уж математика. 4 и 13!» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542а: 50–52].

Благодаря повышенному вниманию к эстетической составляющей внешней стороны переписки (бумага зачастую соответствует конверту декоративными особенностями — цветом, рисунком, формой и пр.) можно определить, в какой конверт было вложено письмо. В таком случае датировку необходимо провести по почтовому штемпелю, учитывая, в какой стране был поставлен штемпель, и соответственно определяя даты по григорианскому или юлианскому стилю.

Остается рассмотреть последнюю группу случаев, когда дата не указана в письме и нет возможности обнаружить конверт со штемпелем. Наиболее простой, приближающийся к первому типу писем, вариант составляют тексты, в которых приведено указание на датированное письмо и на точный временной отрезок, отделяющий от него. Например, в открытке с почтовым штемпелем от 6 августа 1900 г., сказано: «Это поразительно! Стоит вам сказать о ком-нибудь, что он «выздоровливает», «воскрес» — немедля тот умирает.

Прочитала ваше слово о Соловьеве — а сейчас весть о его смерти. Нет, лучше не говорите ни о ком, у вас глаз дурной!» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 165]. В недатированном письме встречаем фразу: «И глаз, как я вам писала вчера, у вас стал дурной» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 187–188]. Связь писем подтверждает и упоминающаяся в обеих попытка поэтессы опубликовать с помощью Венгеровой письмо по поводу помещенных в «Новом Времени» неграмотных выпадов против произведения Гиппиус. Так, мы с высокой долей вероятности (ошибка штемпеля против даты написания возможна в 1 день) датируем письмо 7 августа 1900 г.

В некоторых случаях дату подсказывает содержание письма. Так, при описании Минскому литературного вечера, на котором его статья подверглась всеобщему осуждению, Гиппиус упоминает чтение Владимиром Соловьевым своей «педерастической комедии о Мещерском и капитане Борозде» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. № 2056: 32–34]. Имеется в виду небольшая шуточная пьеса «Дворянский бунт», в которой действует Мещерский, редактор газеты «Гражданин», где Соловьев эпизодически печатался. Комментарий к пьесе, вышедшей в серии «Библиотека поэта», определяет время создания поэмы 11 сентября 1891 г. [Соловьев 1974: 331]. Обычно на литературных вечерах читались недавно созданные, еще не опубликованные тексты, так что с высокой долей вероятности можно говорить о том, что вечер состоялся летом или в начале осени 1891 г., тем же периодом датируем письмо, написанное, судя по его первой фразе, на следующий день после чтения пьесы.

Гиппиус могла обращаться к одним и тем же, волновавшим ее, сюжетам в ряде писем. В таких случаях датированные письма позволяют восстановить дату недатированных, но входящих в контекст эпистолярный. Подобным образом складывалась переписка 1898 г., связанная с обсуждением вопроса съема дачи Аврора на лето. Сначала, в письме к Венгеровой, помеченном 4 апреля, Гиппиус сообщает: «Аврора слишком дорога, я писала маме, что 350–400 последняя

цена» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 27–28]. В письме от 1 мая возникает вопрос: «Как решено с дачей? Ужасно дорого 400», — и сетования: «И почему прошлый год Аврору отдавали за 350?» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 16–18], — из чего можно заключить, что письмо принадлежит тому же 1898 г., что и первое. В следующем, третьем, письме из того же ряда дата отсутствует, но мы видим жалобу Гиппиус: «А на другой день опять мамино письмо, где она пишет, что Аврору взяли, но что у нас прошлый год было затмение, что это самая мерзопакостная дача» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 21–23]. То, что дачу действительно сняли, подтверждает письмо Гиппиус из Авроры от 6 октября [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 62–63]. Таким образом, мы понимаем, что известие о съеме Авроры пришло после 1 мая, и устанавливаем нижнюю границу датировки. Параллельно Гиппиус делится планами по поводу пребывания за границей. В письме от 1 мая Гиппиус сообщает, что не хочет возвращаться раньше июля. А в недатированном, третьем, письменаходим фразу: «Мы приедем скорее, чем думали, к первому, вероятно» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 21–23], то есть к 1 июня, на месяц раньше, чем рассчитывала поэтесса. Можно прийти к выводу, что недатированное письмо было написано в мае 1898 г.

В случаях, когда в тексте есть дополнительные указания на дни недели или числа, даты подобных цепочек писем можно установить с точностью до дня. Так, обсуждение судьбы общей знакомой Гиппиус и Венгеровой, некой Лизы, а также предполагавшаяся совместная поездка в Гамбург, оказались темами, к которым шло постоянное обращение в ряде писем. В первом из них, недатированном, читаем: «Если *вам* «неудобно» телеграфировать Лизе из-за Сплот — тем более мне это неудобно» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 103–104]. В письме от 25 мая 1899 г. Гиппиус просит: «Все-таки пошлите Лизе телеграмму» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 105–107]. Следовательно, и первое письмо относится к 1899 г. Вернемся к нему. Письмо начинается с указания дня («Понедельник»), кроме

того, в тексте упоминается проблема с билетами: «Нет билетов до 3-го июня, не этого — а будущего четверга» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 103–104]. Понедельник, предшествующий неделе, в которой четверг приходится на 3 июня, дает 24 мая. Итак, письмо было написано 24 мая 1899 г. Обращение к разговору о Лизе происходит еще в одном недатированном письме, которое помечено субботой и начинается словами: «Две миленькие телеграммы я получила из Венеции на днях» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 129–131]. Судя по дальнейшему тексту, речь идет о телеграммах от Лизы, которые были ответом на телеграммы и письма Гиппиус. О том, что она ждет ответа Лизы из Венеции, Гиппиус сообщает в письме от 25 мая 1899 г. [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 105–107]. В то же время, поскольку в помеченном субботой письме Гиппиус спрашивает, присоединится ли к ней Венгерова в поездке в Гамбург и прощается с последней до пятницы, письмо отправлено до ее отъезда из России в четверг 3 июня. Суббота между 25 мая и 3 июня несомненно позволяет датировать письмо 29 мая 1899 г.

Переписка предоставляет множество подобных примеров. Рассмотрим несколько иной способ датировки, по месту. По указанному адресу можно установить хронологические рамки письма, изучив, когда Мережковские жили в том или ином месте. Применительно к петербургским адресам такой способ позволяет датировать письма только приблизительно. Но если речь идет о дачах, мы имеем возможность более точной датировки, поскольку супруги редко снимали одну и ту же дачу несколько сезонов, исключением является упоминавшаяся Аврора. Так, одно из недатированных писем к Венгеровой начинается указанием на место, имение Заклинье города Луга [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. № 542: 242–243], там семья проживала летом 1902 г. Поскольку в письме Гиппиус приглашает Венгерову посетить их 20 августа и говорит о том, что поедет в город не раньше 15-го, можно с высокой степенью уверенности предположить, что письмо было написано в конце июля — 1-й половине августа 1902 г.

Конечно, в определенных случаях, несмотря на наличие контекста переписки, не удастся точно датировать текст. В качестве примера приведем фрагмент переписки, демонстрирующий экзотические пристрастия Гиппиус. 10 января 1892 г. она пишет Минскому: «Я в отчаянии: обезьяна умирает: вытягивает ноги, орет и вся побелела. Что мне делать? Я заболела от горя и одиночества. Напишите, что мне делать?! Или возьмите ее к себе. Я не могу видеть, как она кончается. Возьмите эту тварь. Умоляю вас всем святым» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. № 205: 4].

Судя по письму от 4 ноября 1893 г., обезьяна умерла: «Надеюсь, вы подарите мне теперь здоровую, большую обезьяну, которую я со вздохами посещаю на Караванной» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. № 205: 96–98]. Но возникают сложности с установлением года письма, помеченного 30 января, в котором речь вновь идет об обезьяне: «Прошу только сходить в обезьяний магазин и спросить, что делать с обезьяной, она *скачает*, больна и дика, можно ли ее держать в вате, нужно ли выкупать. Я обезьяну люблю также, как Буленьку, и если она околет... Право, этого не следует. Вы сделаете это, да?» [РО ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. № 205: 87–88]. Мы не знаем, была ли выполнена просьба Гиппиус, делал ли Минский ей подобные подарки и которой по счету из ее обезьян стало плохо (если их вообще было больше одной), так что можем лишь высказать предположение, что дело происходило в 1892 г. с обезьяной, симптомы болезни которой уже были красочно описаны поэтессой.

Подводя итог, отметим, что письма Гиппиус представляют несомненный интерес для биографических изысканий, а первичная их датировка может быть успешно проведена с помощью обращения к явным археографическим признакам и анализу их содержания, а также с привлечением минимального набора дополнительных сведений.

СОКРАЩЕНИЯ

Соловьев 1974 — *Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ., сост. и примеч. З. Г. Минц. М., 1974.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук.